

ИСТОРИЯ ХАЦКЕЛЯ ОРШАНСКОГО

Оршанский Хацкель Хаймович

Я родился 5 марта 1926 года на Псковщине, в городе Беженице. До 9 лет моё детство прошло в Ново-Ржеве. Отец работал в организации Ленпушнина, ездил на аукционы, был хорошим специалистом. В 1935 году после реорганизации Ленинградской области, которая простиралась от Мурманска до Смоленска, ему предложили выбирать любой город. Отец выбрал город Кингисепп. До Нарвы 13 километров.

Город пограничный. Там мы помыкались два года в съёмном жилье. Потом получили государственную квартиру. Назревали слухи о войне, и нам сказали: «Поезжайте в Боровичи». Финская война для Боровичей была нелёгкой. В городе были введены карточки, днём магазины были закрыты, открывались только к вечеру. У магазинов создавались гигантские очереди за хлебом, сахаром. Происходили настоящие штурмы и драки. Приходили с работы рабочие, женщины с детьми занимали очередь с утра, с прилавков сметали всё. Начальство же получало продукты непосредственно в закрытых распределителях. Такой бардак продолжался до начала войны с немцами.

К осени 1939 года было построено двухэтажное здание, в котором начала работать новая школа. Ей дали номер 14. Напротив этой школы, на улице Калинина, находился двухэтажный деревян-

ный дом (7) фотографа Шевелёва А.И., на втором этаже которого проживала и наша семья. 30-го ноября 1939 года началась финская война. И школа стала госпиталем вплоть до лета 1940 года. В основном поступали обмороженные бойцы, так как зима оказалась очень суровой, морозы доходили до 40 градусов. Ампутировали руки, ноги. Думали, что война за два дня закончится, а она была до 13 марта 1940 года. Война была кровопролитной, но удалось отодвинуть границу, которая шла через Сестрорецк. Это был большой выигрыш.

Когда началась Великая отечественная война, мне было 15 лет. Мы с братом были на рыбалке. Жили между монастырём и баней. По реке шёл лесосплав. Нам сказали, что у западни есть заводь. Пришли, куча народу. Омуты кругом. Какая-то женщина с другого берега задрала одежду, под ней ничего, бросилась в воду и поплыла к нам. Сплавщики смеялись. Она доплыла и говорит: «Что вы смеётесь? Молотов говорит по радио. Война!» Мы побежали по улице Безбожников — ныне улица Александра Невского. Подбегаем к дому. Соседка выставила в окно радиоприёмник, а там звучат немецкие

марши, по другому радио — наши, обрывки речи. Мы побежали в город, там тишина. Хочу разъяснить, что призыв мужчин происходил раньше в апреле-мае под видом переподготовки с целью обороны в Плесе. Брали мужчин до 45

лет. Отца, белобилетника, ещё с Первой мировой не взяли. Нам, мальчишкам, было не страшно. Нас воспитывали в духе патриотизма, любви к Сталину. Пели: «Нам Германия нипочем, мы Германию кирпичом».

В Боровичах всё больше боялись бомбёжек. Был приказ местных властей отрывать щели — узкие траншеи, чтобы спастись от осколков. Снесли все заборы, ветхие сараи на случай пожаров. Мы, ребята, бегали по огородам, стреляли из рогаток. Связь была худая. Мы не знали, где идут бои, не сообщалось. 14 июля началась эвакуация Красного Керамика, а 29-го уходил последний эшелон. Пишут, что налёт был 24 июня. Что, через 2 дня после объявления войны? Это ошибка. На самом деле налёт на аэродром был 24 июля 1941 года. А 24 июня над городом появилась армада наших 4-х моторных бомбардировщиков. Летели над крышами, вырабатывали горючее, аэродром маленький, самолёты вертелись, кружились. Мы бегали смотреть. Все самолёты стояли в ряд до самого Волгино. Их было штук 30. Потом улетели, а наши учебные стояли в один ряд. А уже 24 июля налетели 13 самолётов-истребителей двухмоторных мессершмидтов. Мы находились около стадиона Керамика на большом обрывистом берегу, ходили всей ватагой за малиной и видели: самолёты летят быстро, красиво. Мы не разобрались чьи. Кричим: «Ура!» Видим, летят к Гверстанке. Оттуда стрельба, поняли — немец. Один наш самолёт взлетел и упал вниз. За минуту уничтожили 17

учебных самолётов и один неисправный бомбардировщик. Погибли 7 человек, 14 были ранены.

Я говорил, что жил раньше в Кингесеппе, пограничном городе. И мы там учились ловить диверсантов, там на них были облавы. Ребята носили с собой ученические билеты, чтобы нас не забрали. Такой случай мне выдался и в Боровичах. Мы с братом ловили рыбу, а за спиной пришли два мужика — стали вроде как переодеваться. Там было много народу-пильщиков. Зовут: «Эй, пацаны, идите к нам». Я с удочкой, брат на 3 года младше подошёл к ним, потом вернулся и говорит: «Атька, это шпионы, мне дали конфетку и спросили как пройти до Гверстянки, только никому не говори». Я поднял мешочек с червяками, стал их отвлекать, а братишка в это время спустился пониже к реке и побежал по шатким брёвнам на правый берег. У входа 1-й школы стоял часовой. Он побежал в монастырь, где располагалась дежурная служба, мы там всё знали. Я увидел как из монастыря выскочили двое солдат и командир и побежали по брёвнам. Командир заметил мужиков, закричал: «Стой, стрелять буду!» и выстрелил из пистолета. У меня опыт был. Зря он так. Мужики вскочили, побежали мимо меня к мостику от лесопилки. Глаза с ужасом. Я кинулся в воду, залез под мост, а цепочка раскачалась, тут забор, тут вода. Второму по мостику не пробежать, мост раскачался тоже. Красноармеец добежал, упёрся ему штыком в спину и повёл его с поднятыми руками. Я вылез из воды. Командир меня увидел и говорит: «Посмотри за вещами». Пошли, смотрю лежит вещмешок, набитый патронами, в чемодане документы. Народ собрался. Я потащил к монастырю его вещи. Мы до самого вечера толкались у часовых, узнать хотели, кого поймали. А первому удалось убежать, наверное, не знаю. Говорят, милиционеры погнались. Брат спрашивает: «Где удочки?» Украли удочки. Бамбуковые, ужас, никакой рыбы. Ходили и думали, что хоть кто-нибудь спасибо скажет. В городе шпионы, и никто никакого движения не сделал, чтобы защитить аэродром. Пишут о работе госпиталей, совершенно забывая о том, что размещение в городе множества госпиталей было связано с большим риском, так как город оказался вблизи фронта меньше юо км. Возможно, Сталин знал, что город

не будет подвергаться бомбёжкам и потому на комбинате «Красный Керамик» было оставлено оборудование работающей электростанции с одним турбогенератором и двумя дизелями и вся система топливоподачи с узкоколейной железной дорогой, с канатной дорогой через Мету и другие. Основные агрегаты были заминированы взрывчаткой, взятой со строительства Мстинской ГЭС. Как бы то ни было, все госпитали и часть предприятий снабжались электричеством бесперебойно! Немецкие самолёты иногда стаями пролетали над городом, кидали светящиеся бомбы, а сплошных разрушающих бомбёжек не было. Хотя всякий пролёт вызывал частую подачу сигналов воздушной и даже химической тревог. Взрывов было четыре. Ранним утром мы выскочили, где первый цех, побежали к воронкам около воды. Одна бомба летела в незамаскированную цистерну с горючим — не попала, да и горючего там не было. В воронке парень увидел оглушённого большого сома, залез на него и лежал. Его спросили: «Ты чего, мальчик?» — отвечал: «Купаюсь». Потом потащил сома на Спасскую, домой.

Версий, почему не бомбили, было разных много. Я думаю, что главная в речи Кирова в 1932-м году, где он на заседании Обкома партии сказал: «Мы строим социализм, а без боровичских огнеупоров нельзя построить ни металлургической, ни военной промышленности». Разглашение военной тайны. Наверняка немцы это знали и не разрушили город для своих же целей в случае победы. Кто-то говорил, что недалеко воевали родственники немца Вахтера, чьи заводы были построены до революции в Боровичах. Была и такая версия, что когда Геринг учился в лётной школе в Липецке, у него были какие-то родственные связи в Боровичах.

Осенью 42 года я с другом Олегом Богуславцевым — школьники 9-го класса от 14-й школы, как художники, работали в госпитале 1-й школы и в здании по ул. 9-го января. Там был переход. Мы оформляли стенные газеты, помогали раненым писать письма и другое. Неожиданно нас перевели в здание Гортеатра, и там мы стали вести оформление... сельскохозяйственной выставки! Все недоумевали — в городе население голодает, на фронте идёт наступление немцев на Сталинград и идут тяжелые бои на Кавказе, а у

нас готовится для чего-то большая сельскохозяйственная выставка, привозят большие головы турнепса, отборный картофель и снопы ржи и другие овощи. Мы с Олегом рисовали большой плакат на красном полотнище для размещения его над сценой. Когда подняли вверх, заметили, что в одном слове сделали ошибку. Я испугался, а Олег говорит: «Да кто его читать будет при плохом освещении...» Да и времени не было уже переделывать...

Выставка открылась 15 октября 1942 года. Через день её закрыли и все рекордные экспонаты стали спешно готовить к отправке. А нам даже спасибо не сказали... Об этой выставке после войны писалось в книжке о колхозе «Будёновец» — нынешнем «Россия».

Как я уже говорил, в Боровичах было очень много госпиталей. У главного входа стояли часовые — военный объект. Начальником госпиталя №27471-й школы, где мы были с Олегом, в то время была женщина по фамилии Шварцман. Она приходила к нам домой к маме. Её сына и мужа призвали в армию. Муж погиб в начале войны. Сын Витька был озорной, отца нет, мать всё на работе. Виктор был храбрый, но бесшабашный. Погиб в Прибалтике. Решил сходить

с товарищем за самогоном. Пошли с автоматами. Надо было идти безоружными. На хуторе у них отобрали автоматы, а их убили.

Весной 1942 года через город проезжало командование партизанского края, везло продовольствие для жителей блокадного Ленинграда. Партизанский обоз с продовольствием после прохода линии фронта сразу же был погружен в вагоны железнодорожного поезда. Руководители через Валдай прибыли в Боровичи, где был устроен городской митингу Дома Советов. В районе же начался сбор продуктов для обоза. И набрали более ста санных возов. Они своим ходом отправились в Ленинград, шли по Дороге Жизни по льду Ладожского озера. Там их встретило руководство обороной Ленинграда. Все прибывшие партизаны были награждены орденами и им вручили всякое новое оружие для передачи в партизанский край.

В Боровичах в 1942-м году была построена новая школа №9, так как все здания были заняты госпиталями. Наверное, это был единственный город, где в разгар войны строилась новая школа. До призыва на войну в 1943 году до 17 лет я учился в школе, был отличником, ю классов окончил летом 1943 года. Пацанов 1925 года рождения в конце декабря повезли на фронт. Почти все ребята из нашей школы при бомбёжке этого эшелона погибли. А могли бы и не погибнуть. Родители просили их оставить и отправить после Нового года. В конце декабря у немцев было рождество, поэтому в это время наступило некоторое затишье. Наш выпуск мобилизовали на трудовую повинность на Тухун добывать торф. Выпускного вечера не было, аттестатов не дали. Что делать, как взять аттестаты? Кто-то мальчишкам подсказал, они взяли два мешка, ночью сбежали в школу, залезли по водосточной трубе в учительскую и забрали свои аттестаты, а наши пять штук, как отличников, хранились в другом месте под замком. Я послал документы в военное училище в Баку, ответа не получил и пошел работать в организацию Ленпушнин — простым рабочим по заготовке шкур. Меня волновало это, шкуры были тёплые, животных жалко. Мы засаливали их и возили на склад. Я работал под руководством Соломона Яковлевича Запштейна. Он был из крестьян, сильный, мог пяточок согнуть. Он учил отстригать от свиных шкур кусочки сала, мы их топили, всё помощь.

Всё одолеть и пережить

Надо было что-то кушать. Шкуры лошадей сушили на верёвках и возили на Волгино на кожевенный завод, там делали продукцию для военных: ремни, обувь. К осени 1943 года разрешили охоту на волков, медведей. Надо было для армии делать полушубки. Это был важный военный груз.

Мне пришла повестка на всеобщее военное обучение. Я рассудил так, что приобрету военную специальность пулемётчика-автоматчика. Я попал во взвод ручных пулемётов, дослужился до командира взвода. Нужно было идти в военкомат, а я вместо 25 октября пришел туда 4 ноября. Военком, капитан Мотохин спрашивает: «Прошел комиссию?» — «Нет, на фронт отправлял друзей» — «Ну ты и дурак. Мы всем командирам взвода даём лучшие направления» — «Как это? Всё же фронт». И показывает список: команда 01, 02 — в морскую авиацию и взял меня в команду 02. Отправка 24 ноября со всех районов и Боровичей. Родственников на вокзал не пустили. Нас везли в Ленинград, ехали трое суток. В 1943 году была прорвана блокада, прорыв прошел по Синявинским болотам, где шли разработки и там прокладывали дорогу, а немцы сидели на холмах и всю дорогу обстреливали. В Ленинграде

прошёл обучение, дали морскую форму, жили в рузовских казармах. Меня взяли в штаб ВВС, обслуживал радиостанции для штаба, потом попал в 1-й отдельный батальон связи. Войну закончил в Таллине. О Победе сообщили 8-го мая, когда был подписан пакт о капитуляции, но там не было подписи Жукова, а 9-го мая уже его подпись была. В 1946 году со мной произошёл такой случай. Фамилия отца начиналась с буквы А — Аршанский. В 1930 году в Ново-Ржеве была деревня Орша, и в сельсовете он получил паспорт. Приходит, а мать говорит: «Мы же А, а не О». Вот здорово, родные на А, а мы на О. И стали Оршанские. 10 апреля 1945 года наши войска захватили Кенигсберг, население попирталось. Был дан приказ вернуться к приписным частям и в городе не осталось ни одного военного. Зима с 1945 на 1946 год. Немцы остались без топлива, воинских частей нет, кормиться не откуда. Весной 1946 года Сталин решил все части вернуть, и весной 1946 года военные снова вернулись. Мелкие бои были. Начальство жило в богатых домах, мы — в вагонах, без еды, глушили рыбу, срочно создавали базы. Был сбор высшего командного Прибалтийского округа. Должен был приехать маршал войск связи Пересыпкин. Накануне прибыли танки, машины, радиостанции. Я был начальником радиостанции части, мне 21 год. Дали маршрут ехать на окраину города. Хоть я и был начальником радиостанции, но по званию я был старший матрос. Кто-то узнал мою фамилию: Оршанский. Пришли человек 300 из дивизии, освобождавшей город Оршу, кто с бутылкой. Завтра смотр. Утро. Приехал генерал-полковник Баграмян. До него дошло: «Кто-то носит фамилию нашей дивизии?» Отвечают: «Оршанской. Мы брали Оршу». Идёт Баграмян: «Покажите мне матроса». А мне неудобно — ни за что, ни про что. А он говорит: «Не зазнавайся» — и меня стали качать.

В 1947 году всех участников войны наградили деньгами: лётчикам по 50 тысяч рублей — огромные деньги, а мне 3 тысячи, тоже много по тем временам. И почти сразу денежная реформа. Указ о реформе

И.Х. Баграмян

объявили в 5 часов вечера. Кто-то сказал: «Ребята, айда в столовые, магазины, покупайте на все. Завтра 1:10». Мы сунулись в магазины, обвешались продуктами, на нас смотрели как на идиотов.

Отца взяли на фронт только в 1942 году, тогда уже призывали всех калек-инвалидов. С фронта отец не вернулся, погиб.

Вот могу дать свои стихи на тему войны. Они из моей книги, посвященной 65-летию Великой Победы.

*Подняли по приказу... Винтовки в руки сразу,
Патронов две обоймы, на брата пять гранат...
И взвод услышал фразу — Всем ясно стало сразу...
Им не придти назад...
Назад им не пробиться, к своим не возвратиться
В... мешке сидят они! Куда ни ткнись — огни,
Стрельбы жестокой пламя — Враги со всех сторон
Неумолим закон —
Слова команды властной: Ребята, путь опасный
Держитесь до конца, До смертного венца...*

*Весь взвод штывки гранёные, надраил кирпичом
Виски посеребрённые. Ударил взрыв бичом.
И: «Аааа!» — катилось бешено под смертною пальбой
И до сих пор не решено, что случилось с их судьбой?*

